Содержание

Илья Виницкий. Граф Хвостов и граф де Местр: Гео-филологические фантазии в эпоху наполеоновских войн 91

Арина Косарева. Об одном французском источнике «Скучной истории» А. П. Чехова 127

Александра Пахомова. Стратегии репрезентации литературной группы (на примере объединения эмоционалистов) 134

Виктор Димитриев. Литературный контекст повести Юрия Фельзена «Обман» 152

Инна Носкова. О версификационной идентичности поэмы Э. А. По «Ворон» в переводе Г. В. Голохвастова 171

Александр Гришин. «О каждом из нас заботится Сталин в Кремле»: От стихотворения Михалкова к плакату Говоркова 181

Редакция:
А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:
191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

ISSN 2587-8190

2017 XIII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

http://schoolsummer.jimdo.com
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnââ škola
Сдано в печать 4 декабря 2017 года

© Авторы статей, 2017
© «Летняя школа по русской литературе», 2017

С 30 ноября 2017 года включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Информация об авторах

Илья Виницкий, доктор филологических наук, профессор Принстонского университета, Принстон, США
ivinitsk@gmail.com

Арина Косарева, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
arianakosareva@gmail.com

Александра Пахомова, докторант Тартуского университета, Тарту, Эстония
aleks.pakhomova@gmail.com

Виктор Димитриев, аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
ganthenbein@gmail.com

Инна Носкова, студентка Северо-Кавказского Федерального университета, Ставрополь, Россия
noskova.inna@mail.ru

Александр Гришин, лаборант факультета истории искусств Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия
a.i.grischin@gmail.com

Арина Косарева
(Москва)

ОБ ОДНОМ ФРАНЦУЗСКОМ ИСТОЧНИКЕ «СКУЧНОЙ ИСТОРИИ» А. П. ЧЕХОВА

В статье рассматривается повесть А. П. Чехова «Скучная история» в сопоставлении с романом А. Франса «Преступление Сильвестра Бонара». Анализируются формальные, образные, фабульные сходства между двумя произведениями. Повесть Чехова встраивается в контекст французской литературы XIX века, что позволяет обнаружить типологическую связь между ней и романом Франса.
Ключевые слова: французская литература XIX века, «дегероизация», А. Франс, «Скучная история» А. П. Чехова.

Anton Chekhov's «Dreary Story» is overviewed in this article in comparison with «Le Crime de Sylvestre Bonnard» by Anatole France. Formal, character and episodic similarities between two pieces are analyzed. Chekhov's short story is placed in the context of French literature of XIX century, which allows to discover its typical connection with France's novel.
Key words: French literature of XIX century, «deheroization», A. France, «Dreary Story» by Anton Chekhov.

Сюжет и «Скучной истории» Чехова, и «Преступления Сильвестра Бонара» А. Франса опирается на одну и ту же фабульную схему: умудренный опытом знаменитый ученый на склоне лет переживает экзистенциальный кризис и ведет заметки, а кроме того, заботится о своей подопечной, сильно нуждающейся в его помощи. Между этими произведениями немало и других сходств.

Так, среди них есть и формальные совпадения. В подзаголовке чеховской повести читаем: «из записок старого человека».[1] «Преступление...» по жанру — дневник или поденные записки: в начале каждой заметки, сделанной Сильвестром Бонаром, стоит дата, указано место. Соответственно, повествование в обоих произведениях ведется от первого лица.

[1] *Чехов А. П.* Скучная история // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1976. Т. 7. С. 251.

Есть и образная связь между главными героями. Они искренне не любят подобострастие, чинопочитание, оба тяготятся своей славой. Николай Степанович называет «китайщиной» формальные, искусственные приветствия и беседы с коллегами,[1] а Сильвестр Бонар сразу подмечает перемену в госпоже Префер, хозяйке пансионата, когда упоминает свой титул академика: ее равнодушный голос вдруг становится «медовым».[2] И Сильвестр Бонар, и Николай Степанович всю жизнь посвятили науке. Оба очень много знают, оба немолоды, оба уважаемы и ироничны, иногда даже язвительны. Наконец, оба с трогательной, почти отцовской нежностью относятся к молодым девушкам, которых берут под свою опеку. Разница лишь в том, что герой Франса спасает Жанну, а Николай Степанович не в состоянии оказать помощь Кате. Это зависит от их характеров: чеховский персонаж скорее эгоистичен;[3] равнодушие к другим, переходящее в равнодушие к себе, — его главная проблема.

Наконец, есть и переклички на уровне отдельных эпизодов. Так, Николай Степанович досадует на привычки жены: «...от прошлого у ней уцелел только страх за мое здоровье, да еще манера мое жалованье называть *нашим* жалованьем, мою шапку — *нашей* шапкой».[4] А Сильвестр Бонар с недоумением наблюдает за тем, как мадам Префер по-хозяйский устраивается в его комнате, будучи всего лишь гостьей, и записывает следующую фразу: «...она спокойно уселась в *своем* углу, у *своей* полочки, на *своем* стуле, положив ноги на *свою* скамейку».[5]

Все это закономерно подводит нас к мысли о том, что роман Франса, вероятно, один из претекстов «Скучной истории». Но так ли это?

---

[1] Там же. С. 264.

[2] *Франс А.* Преступление Сильвестра Бонара / Пер. Е. Ф. Корша // Собр. соч.: В 8 т. М., 1957. Т. 1. С. 422.

[3] Об этом говорит и сам Чехов: «...мой герой — и это одна из его главных черт — слишком беспечно относится к внутренней жизни окружающих и в то время, когда около него плачут, ошибаются, лгут, он преспокойно трактует о театре, литературе; будь он иного склада, Лиза и Катя, пожалуй бы, не погибли» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 3. С. 235).

[4] *Чехов А. П.* Скучная история. С. 255. Курсив здесь и далее в цитатах мой. — *А. К.*

[5] *Франс А.* Преступление Сильвестра Бонара. С. 419.

«Преступление Сильвестра Бонара» вышло на восемь лет раньше, чем чеховское произведение — в 1881 году, соответственно, Чехов вполне мог ознакомиться с ним, но едва ли на русском — первый перевод романа вышел только в 1899 году.[1] Писатель широко пользовался библиотекой А. С. Суворина и мог бы позаимствовать оригинал у него.[2] Однако в его библиотеке из произведений Франса есть и «Клио» (1900), и «Сад Эпикура» (1895), и «Под городскими вязами» (1897),[3] но нет «Преступления Сильвестра Бонара» и других значимых произведений, например, «Острова пингвинов» (1908). В личной переписке Чехова, насколько нам известно, ни разу ни упоминается Анатоль Франс. Получается, никакой связи нет?

Попробуем посмотреть непосредственно на французскую литературу XIX века. Среди безусловных источников сюжета «Скучной истории» всегда выделяется «Ученик» П. Бурже(1889).[4] Этот роман восходит к «Луи Ламберу» Оноре де Бальзака(1832),[5] чье творчество ознаменовало переход

---

[1] *Лещинская Г. И., Линдстрем М. В.* Анатоль Франс: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке (1877–1982). М., 1985. С. 27.

[2] Отдельный вопрос — насколько хорошо Чехов знал французский язык. С одной стороны, он нередко употреблял французские слова и фразы в своих произведениях, с другой — просил Л. Н. Ленскую перевести ему статью с французского на русский (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 3. С. 286). К тому же, Ф. Ф. Фидлер полагает, что Чехов никогда не изучал французского языка (см.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения. М., 2008. С. 379). При этом в гимназическом аттестате за французский язык стоит оценка «пять».

[3] Catalogue des livres en langues étrangères de la bibliothèque de A. S. Souvorine. St.-Pétersbourg, 1906. P. 488–532.

[4] Подробнее об этом см.: *Громов Л. П.* «Скучная история» // Громов Л. П. Реализм Чехова второй половины 80-х годов. Ростов н/Д, 1958. С. 170–212.

[5] См.: *Недосейкин М. Н.* Наука, ошибка, игра в романе П. Бурже «Ученик» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 116. Первый перевод романа Бальзака на русский язык был опубликован в 1835 году (см.: *Данченко В. Т., Паевская А. В.* Оноре де Бальзак: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1830–1894). М., 1965. С. 70 (п. 341)). Мы не знаем, знаком ли был Чехов с этим романом (в переписке писатель его не упоминает), в связи с этим мы говорим исключительно о типологической связи.

к реализму во французской литературе. Рассмотрим, как именно происходил переход.

А. В. Карельский полагает, что движение от романтизма к следующему литературному направлению началось «с нового отношения к внешнему миру, к среде»,[1] — иными словами, именно у Бальзака мы впервые встречаем детальное изучение общества и порядков, принятых в нем. Внимание автора фокусируется не только на внутреннем мире героя, но и на том, что его окружает, т. е. внешний мир не отрицается. Он все еще враждебен, но имеет право на существование и оказывает сильное влияние на формирование личности. Сама же личность остается по-прежнему романтической, героической. Карельский строит свою концепцию на следующей мысли: сочинения Бальзака, где уделяется внимание среде, задают новую тенденцию в литературе — движение от «героя к человеку», или «дегероизацию», но только последующие поколения авторов начинают использовать этот «приём». В чем его суть?

«Дегероизация», или движение «от героя к человеку», — это попытка уйти от исключительности романтической личности и показать человека таким, какой он есть, со всеми положительными и отрицательными качествами, в процессе постоянного развития. Луи Ламбер, главный герой одноименного романа Бальзака, — все еще идеализированный персонаж. Он одаренный, тонко чувствующий и удивительно интеллектуальный молодой человек. Однако излишняя впечатлительность доводит его до сумасшествия. Луи Ламбер, апологет учения Сведенборга об ангелах, целиком отдается идее объединения материализма и спиритуализма и теряет себя. Однако дело не только в эмоциональной чуткости — к ней присоединяется ум, склонный к постоянной рефлексии. Аналитичность в сочетании с восприимчивостью приводят к катастрофе.

Адриен Сикст — это по сути тот же Луи Ламбер. Герои даже размышляют над одинаковыми проблемами. Персонаж Бальзака сочиняет «Трактат о воле», персонаж Бурже —

---

[1] *Карельский А. В.* От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. М., 1990. С. 201–202.

«Анатомию воли». Оба не слишком стары (Сиксту 34 года, Ламберу нет и 30 лет), хотя и выглядят намного старше своего возраста. Но разница между героями существенна.

Сикст куда более уравновешен по сравнению с Ламбером: менее чувствителен, его ум всецело направлен на размышление, ничто и никто не отвлекает его от работы, кроме осознания того, что его учение доводит людей до жестокости. Теории Сикста рушатся, но не гибнет он сам, потому что находит утешение в Боге. Перед нами уже не статичный, не идеальный герой, но персонаж в динамике. Его характер объемен, эволюционирует с течением времени; герой Бурже — не статичный идеал. Поначалу кажущийся образцом, едва ли не машиной, живущей по установленному распорядку, Сикст оказывается живым человеком, способным на сочувствие, на разочарование и на перерождение. Так, кажущийся «идеальным» герой проходит путь «дегероизации».

Между «Луи Ламбером» и «Учеником» есть еще один роман, где переход от «героя к человеку» происходит под совершенно другим углом. Это как раз «Преступление Сильвестра Бонара». Бонар добродушен, открыт миру, ласков — неслучайно посылает миску бульона, дрова и рождественское полено семье, живущей на холодном чердаке. Образ Бонара многогранен: с одной стороны, перед нами холостяк, обожающий одиночество и книги, с другой — очаровательный умный человек, готовый не только оказать помощь, но и совершить, с точки зрения закона, преступление — похитить девушку из пансиона, где к ней относились отвратительно, а затем устроить ее жизнь наилучшим образом. Сильвестр Бонар тоже герой динамичный, он проходит путь от одиночества к семейному теплу, на склоне жизни находит себя не только в науке, но и в сфере человеческих отношений — это тоже движение «от героя к человеку», движение от романтического к реальному.

Теперь обратимся к образу Николая Степановича. Он предстает не идеализированным гением, а *человеком*, сначала боящимся смерти, а потом смиряющимся с ней. Переход от «героя к человеку» завершается здесь — и завершается непримиримым конфликтом, причем конфликтом, как ни парадоксально, чисто романтическим: окружающие не

понимают Николая Степановича, он остается в одиночестве. Но не потому, что он исключителен — его исключительность, наоборот, обеспечивает ему права в обществе, — а потому, что обыкновенен. Проблема в том, что никто не в состоянии это понять.

Важно отметить, что «Луи Ламбер» и «Ученик» — философские романы, романы-учебники, цель которых — показать, как надо жить, а как не надо. Франс, в свою очередь, фокусируется на истории конкретного человека, а не на «продвижении в массы» концепции. Такова и цель Чехова. Именно здесь появляется связь между их произведениями, связь скорее типологическая. Чехов мог и не читать Франса, но, будучи знакомым[1] с французской литературой, уловил, в каком направлении она движется.

Таким образом, выстраивается условная линия: Луи Ламбер — Сильвестр Бонар — Адриен Сикст — Николай Степанович. Однако насколько уместным будет разговор о переходе к реализму у Чехова, явно реалистического автора?

Изначально повесть должна была носить другое название: «Мое имя и я»,[2] — то есть отражать традиционный романтический конфликт внешнего и внутреннего в человеке. Окружающие видят в Николае Степановиче великого ученого, тайного советника, «иконостас». Профессор для них в первую очередь оболочка, статус: «Ведь вы умны, образованны, долго жили! Вы были учителем! Говорите же: что мне делать?»,[3] — иными словами, его воспринимают как героя. А Николай Степанович не хочет им быть: «Я хочу, чтобы наши жены, дети, друзья, ученики любили в нас не имя, не фирму и не ярлык, а *обыкновенных* людей».[4] Чеховский профессор устал от преклонения и лжи, которые приходят вместе с высоким чином — ему нужны искренность и сочувствие.

---

[1] Знакомство Чехова с ней не подлежит сомнению: в его библиотеке было немало русских переводов романов Э. Золя, А. Доде, П. Бурже (см.: *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930).

[2] Составители примечаний к Полному собранию сочинений ссылаются на воспоминания И. Я. Гурлянда, см.: *Арс Г.* Из воспоминаний об А. П. Чехове // Театр и искусство. 1904. № 28. С. 521.

[3] *Чехов А. П.* Скучная история. С. 309.

[4] Там же. С. 307.

Итак, «Скучная история» продолжает движение «от героя к человеку», начатое «Луи Ламбером». Причем круг замыкается: Чехов, по сути, возвращается к мысли Бальзака о том, что рефлексия губительна. И Адриен Сикст, и Сильвестр Бонар находят утешение в вере и в любви. Луи Ламбер умирает сумасшедшим, Николай Степанович на грани смерти оказывается равнодушен ко всему в мире. Более того, его тоже упрекают в сумасшествии.[1] Но к этому выводу Чехов приходит, двигаясь по пути реалистическому — по пути Франса и Бурже, тем самым в очередной раз переосмысливая все каноны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 197–423.
2. *Громов Л. П.* «Скучная история» // Громов Л. П. Реализм Чехова второй половины 80-х годов. Ростов н/Д, 1958. С. 170–212.
3. *Данченко В. Т., Паевская А. В.* Оноре де Бальзак: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1830–1894). М., 1965.
4. *Карельский А. В.* От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. М., 1990.
5. *Лещинская Г. И., Линдстрем М. В.* Анатоль Франс: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке (1877–1982). М., 1985.
6. *Недосейкин М. Н.* Наука, ошибка, игра в романе П. Бурже «Ученик» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 115–120.
7. *Франс А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1957. Т. 1.
8. *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения. М., 2008.
9. *Цвейг С.* Бальзак. М., 1961.
10. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1974–1983.
11. Catalogue des livres en langues étrangères de la bibliothèque de A. S. Souvorine. St.-Pétersbourg, 1906.

[1] См.: Там же. С. 297.